

† Классическое наследие

От редакции. Наш журнал неоднократно обращался к наследию великого британского антрополога Альфреда Реджинальда Рэдклифф-Брауна. С этого выпуска мы начинаем публикацию полного перевода книги «Естественная наука об обществе». Текст книги представляет собой стенограмму серии выступлений ученого на научном семинаре в Чикагском университете, сделанную в 1937 г. и опубликованную в 1957 г. усилиями его учеников, в первую очередь Фреда Эггана. В этом тексте систематически представлены взгляды Рэдклифф-Брауна на то, какой должна быть «естественная наука об обществе». Ни в каких других публикациях ученого эти взгляды не были изложены так полно и связно, как в этой книге, изданной уже после его кончины.

АЛЬФРЕД РЕДЖИНАЛЬД РЭДКЛИФФ-БРАУН

ЕСТЕСТВЕННАЯ НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕ*

Рэдклифф-Браун начинает обоснование возможности естественной науки об обществе с прояснения того, что такое теоретическая естественная наука и как она связана с философией, абстрактными науками, прикладными науками и практическими искусствами. Обращаясь к основополагающим постулатам науки, он обсуждает природу реальности, естественных законов и естественных систем. Рассматривая разные виды научной классификации, автор проводит различие между классами и естественными системами и, соответственно, между двумя видами отношений, существующих в феноменальной реальности: *r*-отношениями (отношениями подобия) и *R*-отношениями (отношениями реальной комплексной взаимосвязи).

Radcliffe-Brown's justification of possibility of a natural science of society begins with a clarification of the nature of a theoretical natural science and its relations to philosophy, abstract sciences, applied sciences and practical arts. Turning then to the basic postulates of science he discusses the nature of reality, natural laws and natural systems. In considering different kinds of classification in science he distinguishes between classes and natural systems and, accordingly, between two kinds of relations existing in a phenomenal reality – r-relations (relations of similitude) and R-relations (relations of real complex interrelationship).

Ключевые слова: естественная наука об обществе, естественные законы, события, классификация, класс, естественный тип, естественная система, *r*-отношения и *R*-отношения.

Keywords: natural science of society, natural laws, events, classification, class, natural type, natural system, *r*-relations and *R*-relations.

* Перевод сделан по изданию: *Radcliffe-Brown A.R. A Natural Science of Society.* Chicago: University of Chicago Press, 1957.

Предисловие

Предложенный здесь материал представляет собой стенографическую запись выступлений покойного профессора А.Р. Рэдклифф-Брауна на семинаре, проводившемся весной 1937 г. на кафедре социальной науки Чикагского университета. Эту книгу долго ждали, и я беру на себя смелость предположить, что она окажет значительное влияние на развитие социальной науки как в нашей стране, так и во всем мире.

Профессор Рэдклифф-Браун рассуждает здесь о возможности создания естественной науки о человеческих обществах и об особенностях, которыми могла бы обладать такая естественная наука. Он убежден, что такая социальная наука может быть только одна, но пока ее еще не существует. Ее развитие он связывает с систематическим сравнением обществ и совершенствованием наших методов наблюдения, описания и анализа. Поскольку эти мысли были высказаны в 1937 г. и не претерпели впоследствии изменений, они дают нам возможность проверить правоту автора, сопоставив его взгляды с развитием социальной науки в последние два десятилетия.

Одним из нововведений профессора Бердслея Рамла, декана только что образованной тогда кафедры социальных наук Чикагского университета, был кафедральный семинар, посвященный различным проблемам социальных наук. Активным участником семинара был профессор Мортимер Адлер, который отстаивал точку зрения, согласно которой возможна только одна социальная наука и что имя ее — психология. Рэдклифф-Браун с интересом слушал его и попросил, чтобы ему предоставили возможность выступить с ответом.

Для тех из нас, кто был тут весной 1937 г., это стало незабываемым событием. Рэдклифф-Браун приехал в Чикагский университет в 1931 г. в качестве приглашенного профессора антропологии и, будучи выдающимся ученым, на какое-то время здесь задержался. В курсе «Сравнительная наука о культуре» и на своих замечательных семинарах он развил и прояснил свои идеи относительно природы общества и культуры и приступил к помещению этих идей в более широкий контекст. Накануне семинара он принял заведование кафедрой в только что учрежденном Институте социальной антропологии в Оксфорде, отчего это событие обрело для нас всех дополнительное значение.

Семинар Рэдклифф-Браун проводил в свойственном ему блистательном стиле, без готовой рукописи и даже без заметок, лишь с кратким перечнем основных тезисов, который распространялся среди участников. К счастью, миссис Сильвия Бейер Долорес, работавшая тогда секретарем у профессора У.Л. Уорнера, день за днем записывала текст. После расшифровки стенограммы получилась рукопись объемом около 152 страниц. Рэдклифф-Браун собирался отредактировать ее для публикации, но начавшаяся война и слабое здоровье помешали ему это сделать. Мы часто обращались к нему с просьбой позволить нам опубликовать все «как есть», но он, дав лишь разрешение на циркулярное издание для служебного пользования, просил подождать, пока у него появится возможность переписать текст.

Для понимания отдельных аспектов семинарской дискуссии читателю нужно иметь некоторое представление о том, что происходило на предыдущих семинарах. Профессор Мортимер Адлер в своих выступлениях о социальной науке сделал особый упор на суждения Аристотеля. Тогда Рэдклифф-Браун обратился за исходными

положениями к Гераклиту, побудив тем самым Адлера заключить, что отталкиваться от взглядов какого-то отдельного философа в высшей степени неуместно. Рэдклифф-Браун, в молодости общавшийся в Кембридже с Уайтхедом и Риверсом, был одним из первых социальных ученых, имевших современную философскую подготовку; философия занимает важное место в семинарской дискуссии.

Другие разделы семинара отсылают к предшествующим выступлениям экономистов и других социальных ученых Чикагского университета. Многие примеры взяты Рэдклифф-Брауном из тогдашней университетской и городской жизни. Эти ссылки местного значения он, вероятно, опустил бы, заменив более общими примерами, но в свое время они были очень к месту, и мы решили их оставить.

Тем, кто знаком с Рэдклифф-Брауном только по специальным работам в области антропологии, настоящий том может преподнести немало приятных неожиданностей. Особенно важны его рассуждения о социальной системе и ее характеристиках, а также шокирующий вывод о том, что наука о *культуре* невозможна, поскольку культуру можно изучать только как характеристику социальной системы. Представляют интерес его взгляды на экономику и ее связь с социальными науками, размышления о сравнительной эпистемологии и космологии. Его мысли о функциональной устойчивости на разных уровнях, а также размышления о структурных принципах социальных систем до сих пор опережают позицию большинства нынешних мыслителей по данным вопросам. Чуть ли не на каждой странице можно обнаружить интересные предложения и заставляющие задуматься прозрения.

Мы глубоко признательны профессору Э.Э. Эванс-Притчарду, которому профессор Рэдклифф-Браун завещал свои авторские права, за разрешение опубликовать эти семинарские материалы, а миссис Сильвии Бейер Долорес — за добросовестную работу по расшифровке стенограммы. Профессор Сол Такс уладил все вопросы, связанные с публикацией. По настоянию профессора Эванс-Притчарда все доходы от настоящего издания будут перечислены в специальный фонд поддержки исследований и помощи студентам.

В качестве приложения публикуется проспект, который был подготовлен Рэдклифф-Брауном и распространялся среди участников семинара, поскольку в нем его рассуждения представлены в концентрированном виде и в несколько иной перспективе, нежели в семинарской дискуссии. Рэдклифф-Браун любил говорить, что для восприятия новых идей требуется от двадцати до тридцати лет. Сегодня интерес к понятиям и методам, развиваемым в этой книге, гораздо выше, чем в 1937 г., и относительно сжатое изложение позиции Рэдклифф-Брауна можно сравнить с более проработанными формулировками, предложенными специалистами в области философии и социальных наук как в нашей стране, так и за рубежом. Рэдклифф-Браун предпочел бы преподнести свои идеи в более отшлифованном виде, но — и это довольно поразительно — здесь его личность отразилась даже ярче, чем в официальных научных работах. Здесь, в этой книге, представлена самая суть Рэдклифф-Брауна.

Фред Эгган,
Чикагский университет
15 мая 1956 г.

Часть I. Постановка проблемы. Основные положения. Природа науки

Вопрос, который будет нас здесь интересовать, — вопрос о возможности естественной науки о человеческих обществах, т.е. вопрос о том, возможно ли применить к феноменам социальной жизни человека (его моральным, религиозным, юридическим, политическим, экономическим институтам, искусствам и наукам, языку) те же логические методы, которые применяются в физических и биологических науках, и прийти тем самым к научно точным формулировкам значимых и вероятных обобщений. Возможность естественной науки об обществе некоторые все еще ставят под сомнение, а кое-кто даже отвергает. С другой стороны, найдутся и те, кто сказал бы, что такая наука уже существует. Третьи, в свою очередь, явно или неявно полагают, что социальная жизнь человека является предметом не одной науки, а нескольких отдельных наук — экономики, политической науки, юриспруденции как науки о праве, социологии, криминологии, сравнительного религиоведения и т.д. Некоторые авторы, если судить по их работам, по-видимому, считают, что всякое научное изучение общества должно быть разновидностью психологии — социальной или коллективной.

Я буду отстаивать здесь следующие положения: что теоретическая наука о человеческом обществе возможна; что может быть только одна такая наука, хотя некоторые из областей, охватываемых этой наукой, могут поддаваться и относительно обособленной трактовке, как, например, язык; что она должна быть так же отделена от психологии, как и физиология от химии; что такой науки пока еще не существует даже в элементарных ее началах; что методом, которым она должна пользоваться, является метод систематического сравнения обществ разных типов и что, следовательно, развитие этой науки зависит в настоящее время от постепенного совершенствования сравнительного метода и оттачивания его как инструмента анализа. Это потребует: а) непрерывного улучшения наших методов наблюдения и описания обществ; б) разработки и точного определения основных понятий, необходимых для описания, классификации и анализа социальных явлений; и в) развития систематической классификации типов обществ.

Хотя такая наука и возможна, пока еще, конечно, нельзя предсказать, какие проблемы могут встать перед нею в будущем. Тем не менее я буду настаивать, что можно уже сейчас, воспользовавшись надлежащим методом, сформулировать некоторые основные проблемы такой науки.

Первым шагом в нашем рассуждении должно стать как можно более краткое определение того, что подразумевается под теоретической естественной наукой. Его можно дать, обратившись к уже существующим естественным наукам. В самом широком смысле слово «наука» означает просто «знание», однако обычно это слово используется в гораздо более узком смысле и означает лишь знание определенного рода. В этом смысле естественная наука есть принадлежность современной цивилизации; первые зачатки ее обнаружили в Древней Греции, а ее основное развитие началось только с начала XVII в.

Слово «наука» в этом смысле обозначает три вещи: 1) *деятельность*, а именно деятельность ученых, занятых поиском знания ради него самого и часто независимо от каких бы то ни было практических результатов, которые могут стать следствием их открытий; 2) *метод*, о котором мы говорим как о научном методе; и 3) *корпус знания*, существующий на некоторый момент времени. В последнем смысле наука, конечно, постоянно меняется.

Отвергнув метафизическое знание как не верифицируемое и отложив на некоторое время обсуждение функции философии для науки, можно сказать, что все прочее знание выражается или может быть выражено в высказываниях двух типов, которые Юм различает как относящиеся, с одной стороны, к «действительным фактам» и с другой — к «связям идей». То, что может быть названо «абстрактной наукой», под которой имеются в виду взятые вместе логика и математика, состоит из высказываний второго типа, не относящихся к действительным фактам, т.е. к феноменальной реальности. Точку зрения, принятую здесь, разделяют многие современные мыслители, и суть ее в том, что логика и математика не два отдельных предмета, а один. Математику понимают иногда так, будто она всегда занимается числом и количеством, однако было показано, что эта измерительная математика — лишь очень малая часть всей области математики, хотя и получившая наиболее полное развитие. Высказывания абстрактной науки, т.е. логики и математики, считаются несомненными.

Другого рода высказывания — высказывания о фактах, т.е. феноменах. Любое высказывание, имеющее низкую степень вероятности, называется гипотезой. Когда высказывание мыслится как обладающее очень высокой степенью вероятности, его называют фактом. Примеры таких высказываний: «Мне кажется, я вижу корову» или «Я вижу корову».

Рассмотрим три высказывания. «Вчера шел дождь». Если кто-то мне это говорит, я могу либо принять это высказывание как вероятное, исходя из того, что он надежный свидетель, либо воскресить в собственной памяти вчерашний день, либо опросить других людей, которые могли сделать соответствующие наблюдения. «Сейчас идет дождь». Это можно легко проверить, выглянув в окно. «Завтра должен быть дождь». Единственно возможный способ верифицировать это — подождать, пока наступит завтрашний день.

Стало быть, высказывание естественной науки — это утверждение или отрицание, относящееся тем или иным образом к феноменальной реальности. Вероятность такого высказывания всегда некоторым образом зависит от его верификации с помощью наблюдения.

Высказывания о фактах бывают двух типов: частные и общие. Частные высказывания — это утверждения о частных событиях: «Цезарь покорил галлов», «Льюис организовал КПП». История имеет дело с высказываниями этого типа и методами их верификации. В этом смысле биография и газета тоже являются историей.

Другой тип — общие высказывания, и это законы природы. Стандартная форма [представления] такого закона природы следующая: «Любой случай X есть также случай Y »; например, «при замерзании вода расширяется», т.е. «каждый случай замерзания воды есть также и случай ее расширения». Вместе с тем мы должны различать и статистические законы, имеющие такую общую форму: «Если n достаточно большое число, то в m случаях X n/m случаев будут также случаями Y ».

Естественная наука, которая, таким образом, отличается от абстрактной науки, занимается исключительно систематическим исследованием законов природы.

Естественные законы дают нам предсказуемость, и, следовательно, знание их крайне важно для действия. Осмысленное действие всегда базируется на обобщениях: явных или неявных. «Явное» — значит выраженное в словах. Обобщения, исходя из которых действуют животные, никогда не бывают явными; обобщения людей иногда такими бывают. Иными словами, разум — это способность учиться на осно-

вании опыта, формировать общие гипотезы, основанные на опыте, и применять их к частным случаям. Основополагающий постулат науки гласит, что реальность умопостижима, и это допущение лежит в основе научного понятия естественного закона. На протяжении всей истории люди формулировали обыденные обобщения относительно законов природы.

Обобщения естественной науки в нескольких отношениях отличаются от обобщений здравого смысла. Во-первых, обобщения здравого смысла обычно делаются в прямой связи с практическими проблемами, тогда как обобщения естественной науки являются результатом систематических исследований, проводимых людьми, стремящимися к знанию ради знания. Во-вторых, наблюдения, на которых основаны обобщения здравого смысла, очень редко бывают систематическими, тогда как самую суть научного метода составляет проверка вероятности гипотез посредством тщательного и систематического наблюдения релевантных событий или явлений. Кроме того, высказывания науки, в отличие от обобщений здравого смысла, логически связываются друг с другом.

Связь теории с практикой, теоретической науки – с практической наукой и науки – с философией

Мы можем различить три типа практики. Первый можно назвать обыденной практикой. Ею мы руководствуемся в нашей повседневной жизни. Во-вторых, существует особая эмпирическая практика, например такая, какая прежде существовала в медицине; она получила известность как эмпиризм и постепенно вытесняется научной практикой. Такая эмпирическая практика базируется на обобщениях, выведенных из особого опыта с помощью метода, который иногда называют методом проб и ошибок. Ее можно рассматривать как промежуточное звено между обыденной практикой и практикой третьего типа, подлинно научной практикой. Последняя базируется на систематических обобщениях теоретической науки. Пример: современная научная практика в области медицины.

Итак, мы имеем взаимосвязь четырех вещей: во-первых, абстрактной науки, состоящей из математики и логики, рассматриваемых в качестве одного предмета; во-вторых, чистой естественной науки, или теоретической естественной науки (например, таких наук, как механика, химия, физиология, психология); в-третьих, прикладных наук, таких как инженерия, медицина и т.д.; и, в-четвертых, практических искусств, таких как мостостроение, врачевание и педагогическое искусство.

Абстрактная наука	Чистая естественная наука	Прикладная наука	Искусство
Математика Логика Философия науки	Механика Физиология Психология	Инженерия Медицина Психиатрия Педагогическая психология	Мостостроение Терапия Психотерапия Педагогика

Существует тесная связь между абстрактной наукой и теоретической естественной наукой. В естественной науке ученый, разрабатывая и проверяя свои гипотезы, пользуется и должен пользоваться математикой и логикой. Следовательно, достижения в естественной науке часто зависят от достижений абстрактной науки. С другой стороны, проблема, встающая перед естественной наукой, может давать толчок развитию математики. Пример можно найти в работе Ньютона: чтобы решить некоторые проблемы механики, ему пришлось изобрести дифференциальное исчисление.

Существует также очень тесная связь между теоретической естественной наукой и прикладной естественной наукой. Прикладная наука — все еще наука. Иначе говоря, она состоит из суждений, но суть ее прежде всего заключается в применении знания, принадлежащего теоретической науке, к практическим проблемам, с которыми приходится сталкиваться в практических искусствах. Так, физиология является теоретической наукой; а медицина, применяющая знания, полученные физиологией, бактериологией, патологией и т.д., в лечении болезней, — прикладной наукой. Реальное же лечение болезни, т.е. собственно терапия, — практическое искусство, а именно врачебное искусство.

Прикладная наука вполне очевидным образом зависит от теоретической науки, но, с другой стороны, и прикладная наука может ставить перед ученым-теоретиком некоторые проблемы — проблемы, которые вырастают из практики науки и могут быть решены лишь с помощью метода чистой науки. В той мере, в какой прикладная наука не базируется на теоретической науке, она может быть только эмпирической.

Между философией и наукой существует двойная связь. Во-первых, это историческая и функциональная связь между ними; во-вторых — логическая. В каждом обществе, включая примитивные, обнаруживаются представления, или предположения, касающиеся природы реальности, знания, универсума, а также этические и эстетические предположения и ценностные суждения. Философия занимается всеми этими вопросами. В однородном обществе мы находим одну философию; в разнородном обществе конкурирующие философии включаются в процесс непрерывной ревизии космологий. Исследование фундаментальной связи между этими космологиями и целостной структурой обществ, которым они присущи, — задача социальной науки. Эту область исследования можно назвать *сравнительной эпистемологией*.

Что касается логической связи между наукой и философией, то тут мы должны различать два вида деятельности: формулировку понятий и их применение к феноменальной реальности. Где именно в занятиях этими двумя видами деятельности начинается ученый и кончается философ — не имеет значения. Если ученый неспособен к философским размышлениям, то он не внесет существенного вклада в развитие своей науки; и точно так же философ, отступающий от логики, которой требует от него наука, не внесет значимого вклада в прогресс знания.

Философия науки и собственно наука оказывают друг на друга взаимное влияние. Достижения в науке неизбежно должны вести к изменениям в нашей теории или философии научного метода; и, с другой стороны, наука всегда опирается на философию науки. Развитие философии науки может вести к рождению нового понимания проблем, стоящих перед нашей наукой.

Специфическая задача философии науки состоит в том, чтобы делать более ясными фундаментальные понятия, лежащие в основании наших научных представлений. Работая над этой задачей, она будет отвлекаться от ценностных суждений, этических и эстетических предположений. Предметом ее интереса будут априорные послышки, на которых держатся наши научные представления.

Основополагающие постулаты науки

Природа реальности

Некоторые аристотелевские принципы, принятые на веру в философии, теологии и науке, на мой взгляд, слишком радикальны. Я лично предпочитаю принципы,

предложенные почти тысячелетием раньше эфесской школой. Гераклит из Эфеса понимал реальность как нечто состоящее исключительно из событий и связей между событиями. Ни одно событие не повторяется: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку; на входящего в одну и ту же реку текут все новые и новые воды». Он признавал некоторые математические отношения между событиями и считал, что они образуют тот порядок в мире, который он называл *Логосом*. Эти две идеи, идея событий (или случаев) и идея отношений между ними, — вот все, что нам нужно.

К ним Аристотель добавлял понятие субстанции, без которого, полагаю, мы можем обойтись. Понятие субстанции необходимо для теологии, но науке только мешает. (Из всех понятий субстанции лучшее принадлежит Спинозе, согласно которому субстанция должна быть одна и только одна.) Аристотель считал, что вся реальность может быть сведена к дискретным субстанциям и их атрибутам. Например, он сказал бы, что если у этого куска мела отнять все его свойства: белизну, твердость, хрупкость и т.д., то что-то после этого все-таки останется.

Наука XIX в. бросила вызов аристотелизму: «Отбросьте все атрибуты, и ничего не останется». Системы, как, например, этот кусочек мела, состоят из связанных свойств, и кроме этих свойств в них ничего нет. Основополагающая форма научного суждения реляционна: «*А относится к В*», «эти часы лежат *на столе*», «в этом кусочке мела кальций добавлен *к углероду и кислороду*», — есть «два “объекта” и отношение между ними».

Феноменальная, умопостигаемая реальность единичных сущностей (или объектов) состоит из событий или множеств событий и отношений реальной взаимосвязи между ними. Событие — это возможный или действительный случай переживания в опыте. Этот стул я вижу здесь сейчас, видел вчера и увижу завтра. Эти три события уверяют меня в реальности стула, в том, что он не исчезнет, если я повернусь к нему спиной. Обратите внимание, речь идет лишь об уверенности. Естественные законы не имеют той достоверности, которая свойственна абстрактным наукам.

Единичную сущность можно также определить как то, что может быть субъектной частью суждения. «Нынешний король Франции носит бороду» не есть суждение, поскольку «нынешний король Франции» не является единичной сущностью.

Естественные законы

Существуют, насколько мне известно, всего четыре фундаментальные философские точки зрения на природу естественного закона. Одна из них — точка зрения Ньютона — гласит, что «естественный закон есть закон, данный феноменальной реальности Богом». Это вполне хорошая точка зрения. Бог не меняет своих решений, и, стало быть, то, что было истинно в прошлом, будет истинно в будущем. Позитивистская точка зрения, очень популярная в конце XIX в., в корне ошибочна: «Естественный закон — всего лишь утверждение о чем-то, что было объектом наблюдения». Этот взгляд на естественный закон принадлежит Карлу Пирсону, и почти такой же была точка зрения Гексли. Эта концепция не дает нам никаких оснований предполагать, что закон, истинный сегодня, будет истинным завтра; в ней не закладывается никакой основы для предсказуемости будущего. Далее, мы имеем суждение, что естественный закон есть нечто такое, во что в целом удобно верить. Это основополагающая точка зрения прагматизма: естественный закон — это удобное обобщение, которое работает.

Этим представлениям противостоит доаристотелевская, эфесская точка зрения: «Естественный закон имманентен миру». Феноменальная реальность состоит из событий и отношений между событиями. Эти отношения включают: 1) отношения взаимосвязи и 2) логические, или математические, отношения (гераклитов *Логос*), конституирующие естественный порядок и имманентные миру. Эта концепция не утверждает, что естественный закон просто удобен; будучи однажды сформулированным, он всегда остается истинным (в границах, установленных для соответствующей формулировки нашими знаниями, и в той степени, в какой он совпадает с феноменальной реальностью). Он не просто описывает нечто бывшее объектом наблюдения. И кроме того, нам нет нужды замешивать сюда Бога.

Если бы мы поставили себе задачу дать исчерпывающую классификацию *видов* естественных законов, то, полагаю, мы нашли бы их довольно много. Есть по крайней мере одно важное различие между естественными законами, которое мы должны постоянно иметь в виду: различие между естественными законами, которые можно установить в количественной, или статистической, форме, и естественными законами, которые можно установить только в виде отношений.

Также важно ясно сознавать различие между двумя видами отношений, которые существуют в феноменальной реальности. Это пространственно-временные отношения взаимосвязи и не зависящие от пространства и времени логические, или математические, отношения. Простейшими математическими отношениями, имманентными миру, являются отношения подобия и различия (см. прим. 1). Отношения в *системе* суть отношения взаимосвязи. Отношения внутри класса объектов, разумеется, могут включать и иные отношения (генетические или химические), но отношения между ними как элементами класса являются математическими, т.е. отношениями подобия и различия. Утверждение «это тот же стул, на котором я сидел вчера», — утверждение об отношении реальной взаимосвязи. «Этот стул очень похож на тот, который я видел где-то в другом месте», — утверждение об отношении подобия.

Понятие классификации и естественного типа

Класс — это множество единичных сущностей, обладающих каким-то одним общим свойством, которым не обладает ничто из того, что не включено в этот класс. В этом смысле мы можем классифицировать объекты абсолютно произвольно, например составить класс «из тувель, ваксы, кораблей, капусты, королей». Но класс полезен для нас лишь тогда, когда кроме общего свойства, через которое он определяется, все включенные в него вещи обладают также и некоторым числом других общих свойств. Виды классов, которыми занимается естественная наука, — это те классы, которые называются «естественными типами». Примером такого естественного типа является химическое вещество, скажем серебро или свинец.

Классификация, всегда неявно присутствующая в нашем мышлении и речи, абсолютно необходима для нашей науки. Мы пытаемся классифицировать сущности — или, лучше сказать, системы — на группы таким образом, чтобы все сущности, попадающие в один класс, имели значительное число общих свойств и чтобы ни один другой класс ими не обладал.

Вы можете объединить в класс всех рыжеволосых чикагских женщин по имени Мэри. Вы определили принцип классификации. Но эта классификация, видимо, не будет иметь большой ценности для науки. Маловероятно, чтобы членам этого класса было свойственно что-нибудь подлинно значимое, за исключением того, что все они

рыжеволосые женщины, имеющие имя Мэри и живущие в городе Чикаго. И уж совершенно невероятно, чтобы вы могли сказать о них что-нибудь такое, что не было бы истинно также для многих других жителей Чикаго. Такая классификация бесполезна.

Вы можете составить класс из любых вещей, которые вам захочется собрать вместе, чтобы что-то о них сказать. *Как процедура*, сама эта операция произвольна. Однако некоторые классификации практически целесообразны, в то время как другие — нет. Разница между ними простая — это разница между произвольными классами и классами *естественного* типа. А это требует, чтобы мы проиллюстрировали понятие естественного типа.

Если вы группируете вместе две или более вещи по причине того, что они обладают некоторыми общими элементами, и обнаруживаете, что у вас есть класс, о котором нельзя сказать ничего, кроме того что его члены имеют это общее свойство X , то эта группа (или класс) не является значимой. Если вы не можете больше ничего сказать о ней как о классе, то вам будет мало от нее проку. Но если каждый член класса имеет также свойство Y и ничто другое этим свойством не обладает, то вы получаете *отношение между X и Y* , и этот класс становится для вас значимым. Если оказывается, что вы составили такой класс, в котором можно обнаружить свойства V , W , Z и т.д., все из которых характеризуют этот класс и никакой другой, то, очевидно, вы получили очень полезную классификацию, особенно если у вас есть основания предполагать, что этот список можно продолжить до бесконечности. Когда вы установили в феноменальной реальности класс такого рода, вы можете утверждать, что это класс естественного типа. Именно такой класс значим для ученого.

Металлическое вещество, серебро, относится как раз к этому типу. Этот класс представляет металл белого цвета, обладающий определенной тяжестью, имеющий определенную пластичность и ковкость, окисляющийся с некоторой скоростью и при этом темнеющий и т.д.; и эти свойства не присущи никакому другому классу. Далее вы обнаруживаете, что данным перечнем свойства этого класса не исчерпываются: вы можете продолжить список и выявить новые свойства. Оказывается, что сделанная вами классификация является значимой и представляет класс естественного типа, важный для науки.

Такие классы естественного типа легко опознаются с помощью логики. Дозволюционистское представление о том, что составляет биологический вид, заключалось в том, что биологический вид тоже является классом такого типа. В понятиях о естественных видах, дошедших до нас через аристотелевские и кантовские различия, виды трактовались как сущности. Кант пришел в ужас, когда теория органической эволюции предложила представление о том, что животные виды и человек могут быть соотносены друг с другом. Львы и тигры считались классами настолько же дискретными, как серебро и олово. Гипотеза эволюции опрокидывает эти представления.

Предполагается, что любой данный вид обладает в процессе эволюции некоторой непрерывностью существования, из которой рождается то, что ныне признается как другой естественный вид. Эогиппус когда-то, рано или поздно, превращается в лошадь. Между одним естественным видом и другим имеется относительная непрерывность.

Как только мы обращаемся к сложным системам растений и животных или к еще более сложным системам обществ, естественные типы становятся труднее различить логически. И дело вот в чем. В отношении металлов можно составить дис-

кретную классификацию. Есть частные случаи серебра и частные случаи олова. Вы не находите превращения серебра в олово, аналогичного превращению эгиппуса в лошадь. Между ними нет промежуточных ступеней. Эти типы дискретны в самой природе. Если бы в нашем распоряжении были все возможные животные, располагающиеся в промежутке между эгиппусом и лошадью, и мы задали себе вопрос: «Где провести границу между этими двумя видами?» – то мы бы обнаружили, что здесь природа не дала нам готовых разграничительных линий, вроде тех, которые она провела между серебром и другими металлами.

Здесь, следовательно, в нашу процедуру входит элемент произвольности. Мы должны решить, где кончается один вид и начинается другой. Такие же волевые решения приходится принимать и при изучении социальной эволюции. В качестве иллюстрации можно взять языки. В какой момент можно сказать, что латынь «золотого века» превращается в народную латынь? В какой момент она превратилась в *langue d'oc* Прованса и *langue d'onl* северной Франции? Когда появился современный парижский французский язык? Есть континуум непрерывных переходов, посредством которых латынь Горация превращается во французский язык Анатоля Франса. Здесь природа опять-таки не снабдила нас дискретными классами, которыми мы могли бы воспользоваться для социальной классификации.

Как поступают в подобном случае лингвисты? Они отмечают, что на протяжении долгого времени в языке происходят относительно небольшие изменения (на самом деле изменение происходит постоянно); затем наступает период, в течение которого происходят значительные и более многочисленные изменения, после чего опять наблюдается длительный период относительной гомогенности речи. Они говорят: «Давайте-ка проведем границы здесь, здесь и здесь» (там, где происходят значительные и быстрые изменения). Существует большая свобода выбора. Между ними ни в коем случае не будет согласия. Где именно будет проведена граница, будет произвольным.

Процедура тут такая же, как и в биологических науках. Эгиппус столетиями кочует по Америке. Внезапно происходят изменения, и в течение некоторого периода времени его трудно отличить от лошади. Затем наступает продолжительный период, о котором мы можем сказать: «Тут мы, безусловно, имеем предка современной скаковой лошади». В биологии нам, как правило, помогает сделать выбор нехватка данных об опосредующей фауне. Если бы мы такими данными располагали, наш выбор был бы произвольным.

Мы создаем классы, которые, хотя и соответствуют в большей или меньшей степени реальности, не соответствуют ей в такой степени, в какой классы металлов. Степень естественности созданного нами класса, т.е. степень, в которой он будет соответствовать реальности, зависит, в первую очередь, от нашей проницательности и от нашего мастерства, а также, во вторую очередь, от числа общих характерных свойств, о наличии которых у каждого члена данного класса мы можем говорить.

Естественные системы

Поясню, что я имею в виду, когда говорю, что «закон имманентен миру»: эта точка зрения на естественный закон использует понятие системы (см. прим. 2), которая проявляется в феноменальной реальности как естественная система. Анализируя феноменальную реальность, мы можем изолировать такую систему от остального мира. Мы проводим дихотомию: с одной стороны, мы имеем систему, а с дру-

гой — весь остальной мир, который становится для нее средой; не может быть одного без другого. Мы хотим изучить внутреннюю природу системы, т.е. связи между ее составными элементами. Все научные проблемы становятся проблемами описания систем, и все могут быть сведены к одной формуле: «Естественный закон — это утверждение о свойствах, которыми обладает в мире некоторый ограниченный класс естественных систем». В этом смысле закон имманентен миру. Падающее тело служит примером такой обособленной системы, событийными элементами которой являются положения этого тела в последовательных точках в последовательные моменты времени. Законом падения тел является утверждение о классе всех падающих тел в мире. Все естественные — законы такого рода. *Если мы определили класс систем правильно*, то все системы этого класса будут иметь одно и то же множество свойств. Для естественных законов существенно, что они истинны всегда — не для какого-то одного члена класса, не для нескольких его членов, а *для всех*.

Естественная система, стало быть, — это концептуально изолированная часть феноменальной реальности (система, отделенная от остального мира, который становится при этом целостной средой данной системы), состоящая из некоторого множества единичных сущностей, которые так соединены друг с другом, что образуют естественно связанное единство. Составными элементами могут быть события или системы событий. Такого рода системами являются Солнечная система, химический элемент, атом, лошадь, падающее тело.

В естественной системе существуют отношения взаимозависимости, а *между* естественными системами — отношения подобия (сходства), благодаря которым системы могут объединяться в классы естественного типа, например «класс тел, падающих на землю». Большинство научных проблем можно представить как попытки открыть существенные характеристики, или свойства, класса или типа естественных систем.

В концептуальных системах абстрактной науки отношения взаимозависимости являются также логическими, или математическими, отношениями. Так, эллипс представляет собой плоскую кривую, определяемую как траектория точки, сумма расстояний которой от двух фиксированных точек, фокусов, постоянна. Однако это определение нельзя было бы дать, если бы у нас был только один пример эллипса. Те вещи, которые в мире единичны и уникальны, требуют иных методов исследования, нежели научные, поскольку сама суть науки заключена в сравнении. Для верификации нашего «закона» эллипсов нам нужен *класс* систем эллипсов, включающий по меньшей мере два эллипса, так же как и для установления естественного закона нам необходим естественный класс естественных систем.

Различие между «классом» и «системой»

Для прояснения различия между *классами* и *системами* мне хотелось бы предложить маленький рисунок. Положим, эти человечки являются членами некоторого класса, а кружки пива — членами другого класса. Имеется очень важное сходство между этой группой людей и этой группой кружек пива. Это сходство состоит в том, что в каждом классе по *два* члена. Термин «*два*» будет названием класса, одним членом которого является этот класс людей, а другим — этот класс кружек пива; также это название любого другого случая диады. Тип связи, существующий между всеми случаями двучленных классов, который мы можем обозначить как отношение «г», есть тот самый тип, который я имею в виду, когда говорю об отношениях подобия.

Давайте теперь предположим, что речь идет о двух *реальных* людях и двух *реальных* кружках пива. Тогда вы имеете совсем другое – систему людей, пьющих пиво, в которой имеются специфические отношения взаимосвязи типа «R». (Эти отношения остались бы реальными, но были при этом совсем другими, если бы у вас были два человека и одна кружка пива.)

Невозможно провести различие между отношениями «г» (отношениями в классах) и отношениями «R» (отношениями в системах) на основании того, что последние якобы *реальны*; и те, и другие существуют в феноменальной реальности. Различие между ними в том, что первые – *отношения подобия*, а отношения в системах – *комплексные взаимосвязи*.

В целях дальнейшего прояснения различия между классом и системой можно перечислить их характерные свойства:

Класс	Система
(отношения "r")	(отношения "R")
Отношения простые	Отношения сложные, комплексные
Отношения подобия	Отношения взаимосвязи
Математические отношения	Пространственно-временные отношения
Отсутствие формы	Наличие характерной формы
Отсутствует качество интеграции - скоординирован подобием	Интегрирована - скоординирована взаимозависимостью
Члены класса могут быть разделены без ущерба для них	При разделении элементам наносится ущерб
Члены можно поменять местами без ущерба для них или для класса	Элементы нельзя поменять местами без ущерба для них или для системы в целом
Отсутствие сцепления между членами класса	Элементы сцеплены друг с другом и тем самым обособляют систему от остального мира
Отсутствие функциональной связи между членами	Функциональная согласованность
Агрегат	Подлинное целое, имеющее структуру
Сумма частей (членов класса)	Органическое единство; не просто сумма составных элементов

Примечания

1. Две вещи называют подобными, когда они в каком-то аспекте тождественны, в то время как в других могут различаться. Так, два объекта могут быть тождественны по размеру, форме и цвету, хотя занимают при этом разное положение в пространстве (например, две монеты одного года выпуска и одного достоинства). Некоторые философы считают тождество отношением. На мой взгляд, это ошибка. Различие – это отношение, а тождество – просто отсутствие различия. Вместе с тем подобие *является* отношением. Если *A* подобно *B*, то это значит, что *A* по крайней мере в одном аспекте отличается от *B* и по крайней мере в одном другом аспекте не отличается от *B*.

Слово «тождественный» используется в ином смысле, когда я говорю: «Этот стул, на котором я сижу, тождествен стулу, на котором я сидел вчера (является тем же самым)». Здесь утверждается, что два события «стул тогда» и «стул сейчас» представляют стулья, не просто подобные по форме, размеру и т.д., а соотносящиеся друг с другом как два проявления одного и того же стула в пределах континуума. Отношение между

ними, стало быть, – это отношение действительной взаимосвязи такого же рода, какое присутствует в устойчивом существовании любых материальных объектов.

2. *Система* (от греч. *σύστημα*) – организованное целое; организованная или связанная совокупность объектов; множество или собрание вещей, которые связаны, соединены друг с другом или зависят друг от друга таким образом, что образуют некое сложное единство; целое, состоящее из частей, находящихся в упорядоченном состоянии. – *Oxford English Dictionary*.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

(Продолжение следует)

От редакции. Американский ученый Мелвилл Джин Херсковиц (1895–1963) (см. прим. 1) – один из интереснейших и влиятельнейших антропологов XX в. Будучи человеком широчайшей эрудиции и энциклопедического склада, он внес существенный вклад почти во все разделы той науки, которой посвятил свою жизнь. Наиболее значительны его труды по африканской и афроамериканской этнографии и фольклору, исследования, посвященные культурному изменению, аккультурации, экономической антропологии, культурному релятивизму. Многие его начинания имели новаторский характер. Во многом благодаря его личным усилиям обрела самостоятельный статус такая область исследования, как афроамериканистика. Наследие Херсковица включает около 400 опубликованных работ. Многие из них приобрели классический статус и вошли в золотой фонд антропологии как общей науки о человеке. На русский язык они практически не переводились. Своими скромными усилиями мы постараемся хотя бы немного восполнить этот пробел. Для начала мы выбрали статью, в которой не только синоптически рассматриваются задачи и ключевые проблемы афроамериканских исследований, в институционализацию которых Херсковиц внес решающий вклад, но и представлен почти весь базовый понятийный аппарат, разработанный им для изучения культурного изменения, культурного контакта и аккультурации.

МЕЛВИЛЛ ДЖИН ХЕРСКОВИЦ

ПРОБЛЕМА, МЕТОД И ТЕОРИЯ В АФРОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

В этой классической статье Херсковиц определяет область афроамериканистики (афроамериканских исследований) как отдельную область изучения, соотносит ее с

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: ynik1968@yandex.ru.

* Впервые статья была опубликована в 1945 г. в журнале «Afroamerica». Перевод сделан по изданию: *Herskovits M.J. Problem, Method and Theory in Afroamerican Studies // Phylon. 1946. Vol. 7. № 4. P. 337-354.*